

Тайная любовь похожа на зелёное яблоко — она одновременно сладка и терпка.

Мы прошли вместе лишь часть пути, и я благодарна за нашу встречу. Пусть финал и оказался не таким, как хотелось бы, сама наша встреча уже была величайшей удачей. И хотя говорят так, я не желаю мириться с поражением.

Шэн Ци и Цзян Юань.

Он — одинокий, холодный, изящный, но потерянный и пустой внутри.

Она — та, кто не желает мириться с оковами, жаждет любви и свободы, настоящее сокровище этого мира.

Цзинь Юй и Сюй Ло.

Они выросли вместе, знали друг друга с пелёнок, были неразлучны, а их взаимопонимание проникло до самых костей.

Лишь после одного происшествия они по-настоящему разглядели друг друга.

Остальные сюжетные линии развиваются постепенно.

Шэн Ци озарил своей красотой половину моей школьной юности, но вместе с ударом колокола эта история опустила занавес.

Однако шрам, оставшийся на дне сердца, навеки лишил меня возможности забыть.

В первом и втором классах старшей школы я была именно той прилежной ученицей, о которых с умилением говорят учителя: изо дня в день я по расписанию посещала уроки и училась.

После занятий, послушная маме, я ходила на дополнительные кружки: занималась балетом, играла на пианино, училась го у именитых наставников и участвовала в самых разных соревнованиях. Так было с самого детства.

Я давно привыкла к этому, считая подобную жизнь тихой и безмятежной.

Пожалуй, лишь в те моменты, когда меня награждали за победу в конкурсах, на душе возникала едва заметная рябь.

Казалось, это лишь удовлетворяло моё внутреннее стремление к признанию.

Порой глубокой ночью я спрашивала себя: чем на самом деле я владею?

Имеют ли для меня хоть какой-то смысл эти иллюзорные, внешние вещи?

Наверное, они пригодятся мне в будущем и помогут определиться с карьерой, но душа моя оставалась пустой.

Со временем я начала привыкать к оцепенению, к этой безмятежной глади без единой волны. Учительница заметила моё странное состояние и с нежной заботой попыталась меня вразумить.

Она велела мне показать всё, на что я способна, на предстоящих в конце следующего месяца экзаменах по распределению.

Тогда я смогла бы попасть в лучший класс нашей школы — класс для будущих медалистов, — встретить ещё больше талантливых людей и, возможно, обрести собственный смысл.

Или, по крайней мере, найти свой собственный путь. Выслушав её, я

по привычке мягко улыбнулась, привычным движением кивнула, поклонилась и вышла из кабинета. Какая же скука.

Даже будучи лишь пустой оболочкой, я докажу им всем.

Я рождена стоять на вершине башни, и добровольное падение для меня — всё равно что яд. Я одновременно и зачарована им, и отчаянно избегаю его.

Среди шумной и суетливой толпы мой взгляд рассеянно скользил по сторонам, как вдруг чей-то свет пробился, словно сквозь тучи.

Он возник в поле моего зрения, точно сошедший с древнего свитка бессмертный небожитель.

Его осанка была прямой, как стебель бампера, а простое одеяние не могло скрыть выдающейся натуры.

Черты его лица казались высеченными из камня искусным мастером; под соболиными бровями таился глубокий взгляд, напоминающий сумрачную озерную гладь, — но стоило ему посмотреть на меня, как в нём поднималась нежная рябь.

В тот миг время словно поддалось чарам и застыло навечно.

Шумы вокруг постепенно затихли, и лишь моё собственное сердце колотилось в ушах безумным, оглушительным набатом.

Я знала: это и есть посланный самой судьбой суженый.

Тот мимолётный взгляд предопределил моё падение на всю оставшуюся жизнь. Моя душа словно отыскала тихую гавань и начала тонуть в реке любви.

Но толпа вокруг двигалась дальше, мимолётная встреча растворилась в суете, и всё вновь успокоилось.

Я подавила бунтующую на сердце рябь, с глупой улыбкой покачала головой и, найдя свою аудиторию, села за парту.

За одиннадцать минут до начала экзамена мои мысли спутались.

Картинки калейдоскопом мелькали в голове, и я отчаянно пыталась найти кнопку выключения, но всё было тщетно.

Я опустила голову, уткнувшись лицом в крышку парты, и закрыла глаза. Воспоминания хлынули потоком: вот я на пьедестале почёта, а в глазах родителей сияют гордость и тщеславие, острые, как осколки лезвий, составляющие зловещую картину.

Она швырнула меня в пучину разбитого моря, где острые грани непрерывно резали моё тело, и тупая боль волнами расходилась от кожи прямо к сердцу. Я в муках зажала грудь руками.

Я твердила себе, что не позволю себя потопить, что должна найти собственную славу, собственную гордость и свои истинные чувства. Время игриво упорхнуло, и подоспели экзаменационные листы.

Раздался шуршащий шорох карандашей по бумаге. Я разгладила бланк, в глазах моих не было ни единой эмоции, и я подняла ручку, чтобы начать отвечать. Тихий шёпот ветра, крики птиц, шелест переворачиваемых страниц.

Всё это растворилось в долгой реке времени, не представляя ровно никакой ценности.

Песочные часы остановились, бланки ответов были запечатаны в конверты.

Свежий прохладный ветер остудил разгорячённое лицо.

Стараясь ни о чём не думать, я оседлала арендованный велосипед и легко покатила домой. Но

дорога домой в этот раз показалась совсем не такой, как всегда — я снова встретила его.

<http://bllate.org/book/19353/1892240>